

СТЕНОГРАММА ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ I **«Карибский кризис: 50 лет спустя.** **Воспоминания непосредственных участников».**

МОСКОВСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО НЕРАСПРОСТРАНЕНИЮ

Марриотт Гранд Отель, Москва, Россия
7 сентября 2012 г.

[ХЛОПКОВ]¹ В октябре исполняется 50 лет с момента Карибского кризиса, когда мир оказался на грани ядерной войны, войны, в которой не может быть победителя. Мы не могли пройти мимо этой даты, и открываем Московскую Конференцию по нераспространению беседой с двумя участниками тех событий – Виктором Ивановичем Есиным и Джоном Эндикоттом.

С Виктором Ивановичем, генерал-полковником Есиным, мы знакомы около 10 лет и лишь совсем недавно, изучая последние публикации по проблематике ядерного нераспространения и разоружения, я наткнулся на его интервью, где он среди прочего упоминал о том, что был на Кубе в период кризиса. Виктор Иванович не часто говорит о событиях того времени и поэтому для нас большая честь, что он согласился принять участие в сегодняшнем заседании.

Карибский кризис был задолго до моего рождения. Однако, я стал воспринимать его очень лично после одной из бесед в Сеуле с Джоном Эндикоттом, другим участником нашего первого заседания. Джон рассказал мне историю, что во время Карибского кризиса к нему в кабинет спустился один из непосредственных начальников и сказал, что у него есть около 20 минут. После этого с большой вероятностью начнется ядерная война. Поэтому у Джона есть время, чтобы позвонить домой, где была жена и маленькая дочь, и попрощаться с ними, однако, не говоря, что их ожидает. В то время Джон находился в подземном бункере, защищенном на случай ядерной войны, а его семья, естественно, находилась на поверхности. Во время, когда Джон рассказал мне эту историю, моему сыну было год или два.

Игнорировать уроки истории недальновидно и опасно. Во время Карибского кризиса мы получили, пожалуй, один из наиболее важных уроков для человечества, который мы не должны забывать.

На этом передаю бразды правления первым заседанием Московской Конференции по нераспространению Константину Петровичу фон Эггерту. Константин, пожалуйста, тебе слово.

---

¹ Антон Викторович **Хлопков**, Директор, Центр энергетики и безопасности, Член Научного Совета при Совете Безопасности, Российская Федерация; председатель Московской Конференции по нераспространению.

[ЭГГЕРТ]² Я благодарен за приглашение открыть Московскую Конференцию по нераспространению, Конференцию важную. Особенно приятно, что аккредитовалось так много экспертов и специалистов, представителей СМИ, чтобы поговорить на тему, которая действительно не уходит. Мне кажется, это прекрасная идея – открыть Конференцию встречей с двумя людьми, которые были свидетелями истории, которые эту историю в определенной степени делали, двумя участниками Карибского кризиса.

Я родился через полтора года после Карибского кризиса. Моя мама, когда я стал более-менее взрослым, рассказывала мне, как, собственно, про Карибский кризис в Советском Союзе все узнали, когда он уже прошел – когда было объявлено о соглашении Хрущева и Кеннеди. Я помню, что мама сказала: «Только тогда мы поняли, на какой страшной грани мы стояли». До этого, естественно, о том, что происходило, могли узнать только люди, которые слушали ВВС, Голос Америки и Радио Свобода. Мне кажется, многие ныне живущие до конца, может быть, не осознают, что происходило в начале 1960-х годов (напомню, что до Карибского кризиса был Берлинский кризис октября 1961-го года) и в какой степени мир балансировал на грани ядерной войны.

Поэтому интересно узнать от очевидцев тех событий, что они чувствовали тогда. Я бы хотел представить наших двух сегодняшних очень уважаемых участников. Это Виктор Иванович Есин, генерал-полковник в отставке, который пройдя Карибский кризис, дослужился до должности начальника Главного штаба Ракетных войск стратегического назначения. К кризису 1962 года он имеет прямое отношение, потому что находился на Кубе в воинском звании лейтенант в момент, когда кризис развивался и достиг своего апогея, и когда, по приказу Никиты Хрущева, на территории Кубы разворачивались советские ракеты.

Второй участник нашей беседы во время Карибского кризиса находился в Омахе, штат Небраска. Джон Эндикотт вышел в отставку как военный в звании полковника, но в гражданской системе табели о рангах США он генерал-лейтенант. Во время кризиса он занимался вопросами наведения на цели американских ракет, и таким образом видел, как принимались решения в США.

Я не хочу очень долго занимать своими словами наше время, и хотел сразу обратиться к Виктору Ивановичу Есину с самым простым вопросом: «Скажите, как Вы оказались на Кубе, как Вы стали участников тех событий?».

[ЕСИН]³ Спасибо. Ровно 50 лет назад на сухогрузе «Кимовск» я приближался к Антильским островам. На Кубу я прибыл 12 сентября 1962 года. Надо сказать,

---

² Константин Петрович **Фон Эггерт**, Политический обозреватель, *Коммерсант-FM*, Российская Федерация; Председатель заседания.

³ Виктор Иванович **Есин**, генерал-полковник (в отставке), Консультант командующего Ракетными войсками стратегического назначения (РВСН), Российская Федерация; в период Карибского кризиса – в звании лейтенанта, и.о. главного инженера ракетного дивизиона 79-го

что пересекать Атлантику на сухогрузе, размещаясь на деревянных нарах в твиндеке, весьма сложно. Температура в твиндеке достигала 50 градусов по Цельсию, конечно, «плюс», а не «минус», хотя мы желали, чтобы было «минус». На верхнюю палубу подниматься разрешалось только в темное время суток мелкими группами, потому что нас в твиндеках находилось около 300 человек, почти весь ракетный дивизион 79-го ракетного полка, которым командовал полковник Сидоров.

Вот так 12 сентября я прибыл в порт Касильда, где наш сухогруз стал под выгрузку доставленной техники и вооружения. Разгрузка осуществлялась в течение 2 суток, потому что порт не был приспособлен для выгрузки крупногабаритной тяжелой техники. На судне находилось 8 ракет Р-12 или, по западной классификации, SS-4. Они располагались в самом нижнем пятом трюме, и оттуда их доставать портовым краном было невозможно. Пришлось, мне, как ответственному за доставку боезапаса ракет, изобрести сложную схему разгрузки с использованием двух кранов самого корабля. Но работать мы могли только в темное время. То есть днем выгружалась техника, которая не имела ярко выраженной принадлежности к Ракетным войскам стратегического назначения, а уже в темное время выгружалась та техника, которая их имела.

Тем не менее, с задачей справились, за двое суток выгрузили, а потом совершили марш к выбранному полевому позиционному району. Вот так я очутился на Кубе.

[ЭГГЕРТ] Скажите, когда Вас отправляли на Кубу, Вам сказали, куда Вы направляетесь и зачем? Как ставили задачу?

[ЕСИН] Все это мероприятие началось 13 июня 1962 года, когда была издана директива министра обороны о подготовке Вооруженных сил Советского Союза к учению на отдаленной территории. Что за отдаленная территория, в директиве не указывалось. Не было это конкретизировано и в тех исполнительных директивах, которые издал Главнокомандующий и Главный штаб Ракетных войск стратегического назначения. Было сказано: «готовьтесь к учению, к учению с передислокацией». Место указано не было. Мы могли догадываться, когда уже прибыли в Севастополь, где мы грузились на судно, о котором я говорил, «Кимовск». Но ясности не было.

Для подтверждения легенды, а эта операция называлась «Анадырь», была организована серия мероприятий по дезинформации. На наше судно грузились тулупы, лыжи, создавалось впечатление, что, действительно, плывем в Анадырь. В самом Анадыре велось строительство стартовых позиций для полка, вооруженного ракетами Р-14. В последующем полк там, кстати, был размещен, но находился на боевом дежурстве недолго, до 1968 года.

ракетного полка, развернутого в районе Сагуа-ла-Гранде, Провинция Вилья Клара, Куба, в составе 51-й ракетной дивизии РВСН.

По косвенным признакам мы догадывались, что место назначения у нас иное, ибо нас переодели в гражданскую форму, а военную форму велели сложить и взять с собой в чемоданах. Еще больше мы насторожились, когда при подъеме на борт судна перед отплытием у нас все документы, удостоверяющие личность, отобрали. Вплоть до комсомольского билета, который у меня тоже отобрали. Партийного билета у меня тогда не было, членом КПСС я стал позднее. Тут мы окончательно сообразили, что что-то здесь не совсем так, как это представляется. Ну а когда прошли Гибралтар и вышли в Атлантический океан, то наш командир дивизиона, капитан Алпеев, объявил порт следования.

Уже позднее я выяснил, что он в определенный момент вместе с представителем КГБ, который сопровождал наш «воинский эшелон», вскрыли пакет, который находился в сейфе каюты капитана корабля. Там при вскрытии пакета внутри оказался еще один, вскрыв который, они увидели распоряжение, подписанное министром обороны Советского Союза маршалом Малиновским и министром морского флота Советского Союза Бакаевым, где был указан порт назначения, и разрешено было объявить и судовой команде, и нам, куда мы следуем. Но мы уже сами догадывались. Правда, несколько удивились, когда вышли из Гибралтара и начали огибать Африку - вроде как опять в Анадырь пошли. Но вскоре корабль развернулся и пошел поближе к сороковым широтам, чтобы никого не встречать, т.е. маршрут пролегал не там, где все «нормальные» судна плавают, а там, где корабли очень редко ходят. Но в тех местах штормило. Это еще более усугубляло нашу ситуацию, потому что от качки многие страдали морской болезнью, и хотя нас кормили два раза в сутки, есть не очень хотелось.

[ЭГГЕРТ] Джон, как Вы оказались на пороге этого исторического события, что предшествовало этим событиям?

[ЭНДИКОТТ]⁴ Спасибо, Антон, и спасибо Центру энергетики и безопасности за то, что всех нас здесь собрали. Благодарю также, Вас, генерал Есин, за то, что принимаете участие в сегодняшнем мероприятии.

Теперь к вопросу о том, как я попал в штаб-квартиру Стратегического авиационного командования (САК) ВВС США и Объединенный штаб планирования стратегических целей. Все началось с того, что в 1958 году американские ВВС меня отправили в Японию. Там я познакомился с девушкой, которая сегодня здесь присутствует – дорогая, поднимись, пожалуйста, пусть все увидят мою жену... [аплодисменты]. Когда я начинал службу в ВВС, я плотно занимался Россией. У меня к тому времени за спиной было четыре года изучения русского языка, и я рассчитывал, что вся моя работа в качестве аналитика будет связана с Россией и СССР. Но у ВВС оказались совсем другие

---

⁴ Джон Эндикотт, полковник (в отставке), SAS-4 (гражданский эквивалент звания генерал-лейтенант), Президент, Университет Вусонг, США/ Южная Корея; в период Карибского кризиса - капитан Объединенного Штаба планирования стратегических целей, располагавшегося на подземном командном пункте штаб-квартиры Стратегического командования ВВС США, База ВВС Оффут, Омаха, шт. Небраска.

планы, и меня направили в Японию. Там у меня работа с СССР не была связана, и мой русский язык стал, как говорится, "очень плохо", так что прошу меня за это извинить.

Как только я сообщил ВВС, что собираюсь жениться, меня перевели на Гавайи. Это, конечно, было отлично, потому что на Гавайях всем нравится. Многие из Вас, наверное, не знают - в те времена межрасовые браки были незаконными в большинстве штатов США, в двух третях штатов. Во всех западных штатах и во всех штатах Юга существовали законы, запрещающие такие браки. Но я был из штата Огайо, а в Огайо такого закона не было. Поэтому мне было разрешено жениться, но, тем не менее, ВВС было этим фактом не слишком довольны. Поэтому меня перевели на Гавайи, и мои обязанности изменились. До этого я занимался агентурно-оперативной разведкой, а после перевода на Гавайи я стал заниматься выбором целей для нанесения ядерных ударов. Так началась моя карьера в штаб-квартире по планированию ядерных ударов. Когда мой срок службы на Гавайях подошел к концу, мы с большими опасениями ждали новостей о том, куда меня дальше переведут. Все нам предсказывали, что переведут меня в Северную Дакоту. А для людей, работающих в области подбора стратегических целей, Северная Дакота была аналогом ссылки в глухомань. Но перевели меня не в Северную Дакоту, а в Омаху, штат Небраска, т.е. в нашу штаб-квартиру. И тогда нам стало ясно, что мы сделали неплохой профессиональный выбор в плане карьеры, поскольку работать в штаб-квартире САК было намного лучше, чем работать в Норфолке, т.е. в Северной Дакоте. Так что в середине 1962-го года нас перевели в Омаху, штат Небраска. Мы там поселились и начали профессиональную работу в главном штабе САК.

[ЭГГЕРТ] Дети у Вас к тому времени уже были?

[ЭНДИКОТТ] В 1960-м году у нас родилась девочка, так что ей было ровно два года, когда начался весь этот процесс. И хочу сказать, что когда я веду свой предмет у студентов, я всегда стараюсь дать им понимание психологического климата, который тогда существовал. Климат был просто невероятный. Чтобы вы поняли, о чем я веду речь, возьмем, например, Джона Фостера Даллеса, который в 1950-х был госсекретарем США. Даллес в открытую заявлял, что «Советский Союз грубо нарушает Божий закон, и Бог выбрал США в качестве инструмента своего возмездия». Это заявление хорошо иллюстрируют атмосферу того времени.

Эта атмосфера царила и в САК. Она была характерна для всех вооруженных сил, но особенно сильно она ощущалась в САК. Хочу вам привести пример того, насколько серьезно тогда подходили к вопросам безопасности. У меня был один хороший друг, тоже лейтенант. У него были усы, но он их в один прекрасный день сбрил. И вот подходит он в тот день ко входу в туннель, ведущий в подземный бункер на третьем этаже под землей, где мы занимались планированием. А охрана на входе в туннель тогда ни с кем особо не церемонилась. Охранники взяли его удостоверение, посмотрели на него - и видят, что на фотографии в удостоверении усы есть, а у него усов нет. Так они

его моментально поставили лицом к стене, руки на стену, раздели его до гола, и все это под прицелом двух пистолетов 45-го калибра. Вот такая атмосфера царила в то время. Сегодня это трудно себе представить.

Когда начали развиваться события на Кубе, я об этом ничего не знал. В то время, 13 июня 1962 года, я не имел никакой возможности знать, что происходит на Кубе. Когда все это начало разворачиваться, об этом знали только в разведывательном сообществе. Я работал над планированием ядерной войны, а поскольку Куба в эти планы не входила, нам тогда ничего не сообщалось. Я был, что называется, как лягушка в колодце – т.е. кое-что я все-таки видел, но мое поле зрения было очень ограничено. Так что я не имел никакого представления о том, какой конфликт разворачивается между США и СССР, пока Кеннеди не сделал об этом публичное заявление. Мы обо всем узнали одновременно со всеми остальными американцами.

[ЭГГЕРТ] Виктор Иванович, итак, Вы прибыли на место постоянной дислокации. Насколько я помню, среди выбранных еще в Москве полевых позиционных районов было много непригодных площадок, которые надо было готовить буквально с нуля?

[ЕСИН] Это так. Рекогносцировочные группы прибыли на Кубу самолетом во главе с командиром нашей дивизии еще 12 июля. Первым прибыл командир дивизии, а спустя неделю – рекогносцировочные группы ракетных полков. Они-то и занимались выбором полевых позиционных районов. Те районы, которые были намечены на карте Генеральным штабом Вооруженных сил Советского Союза, оказались непригодными для размещения ракетных полков. Но это неудивительно, потому что все подготовительные мероприятия в Советском Союзе держались в строгом секрете. Когда выбирали эти районы, Генеральный штаб даже не привлекал специалистов от Ракетных войск стратегического назначения. Была узкая группа офицеров Главного оперативного управления Генштаба, которая сама и решала вопрос выбора районов под размещение ракет. Но по своему образованию они были специалистами Сухопутных войск и, конечно, как выбирать ракетные позиции, они не знали.

Поэтому, когда рекогносцировочная группа РВСН ознакомилась с теми районами, которые были выбраны в Москве, она их забраковала. Прибывшим специалистам пришлось обследовать на Кубе 150 районов, а 30 из них отрекогносцировать. В конце концов, были выбраны 10 полевых позиционных районов: 5 полков, в каждом полку по 2 дивизиона; для каждого дивизиона и соответствующей обслуживающей сборочной бригады - один полевой позиционный район. Эти районы выбирались с учетом, чтобы не было близко населенных пунктов и, главное, чтобы была «маскировочная емкость». А «маскировочная емкость» на Кубе, надо сказать, неважная. Пальмы не дают такого эффекта, как в России леса. Кустарники там есть, однако эти кустарники - сплошные колючки. Я просто скажу, что моя гражданская форма, которую

выдали, а выдали один комплект, через месяц пребывания на Кубе пришла в негодность из-за этих самых колючек.

Вот эти вновь выбранные позиционные районы мы оборудовали своими силами. Кубинцев к этой работе не привлекали. Инженерные войска Вооруженных сил Кубы участвовали только в подготовке маршрутов нашего передвижения. Для оборудования полевых позиций дивизии был придан инженерно-саперный батальон. Кроме того, в каждом полку была, так называемая, «батарея боевого обеспечения». В ее состав входил инженерно-саперный взвод. Естественно, сами справиться они не могли, работал весь личный состав, потому что грунт на Кубе очень тяжелый, а взрывными работами расчищать места не разрешалось, чтобы не привлекать внимания. Все это приходилось делать с помощью лома и кайла. Надо было углубляться, отрывать котлован под пусковое устройство. Котлован затем засыпать гравием, песком, делать крепеж, так называемыми, анкерными болтами, которые в свою очередь надо было заглубить в грунт на три метра. В общем, тяжелая работа.

Я, правда, был освобожден от этой работы, потому что мне было доверено готовить боезапас к боевому применению. На технической позиции я руководил проверкой ракет боезапаса. После перевозки ракет через океан необходимо было провести полный цикл, так называемых, горизонтальных испытаний, чтобы убедиться, что они готовы к боевому применению.

[ЭГГЕРТ] А сколько времени заняло, чтобы подготовить позиции вот таким образом, с лопатой, ломом и кайлом?

[ЕСИН] Если говорить для нашего дивизиона, по другим говорить не буду, то это заняло 20 суток. Работали практически круглосуточно, за исключением 5-6 часов на отдых. Но надо еще сказать, что это был сентябрь-октябрь, то есть период дождей на Кубе. Первоначально для жилья хотели отрыть землянки. У нас были и командир полка, и командир дивизиона, и многие командиры стартовых батарей - участники Великой Отечественной Войны, они привыкли размещаться в землянках. Это на самом деле рентабельно. Но на Кубе грунт оказался для этого непригоден. Жили мы в палаточном лагере в условиях сезона дождей и высокой влажности. В постель я ложился и сушил ее своим телом, потому что других вариантов для отдыха не было. Так что первый месяц нашего пребывания на Кубе был очень напряженный с точки зрения физической нагрузки.

[ЭГГЕРТ] Виктор Иванович, скажите, когда Вы проводили все эти работы, осуществляли проверку выгруженных ракет, готовили позиционный район на Кубе в 10 тыс. километрах от Советского Союза. Лично Вы, что тогда ощущали? Вы понимали, зачем это делается? Осознавали ли Вы, что это что-то особое, условно говоря, что Вы готовитесь к войне?

[ЕСИН] Нет, так вопрос не стоял. Нам, когда мы прибыли на Кубу, командир дивизии доходчиво объяснил, для чего мы сюда прибыли: именно для того, чтобы быть готовым к выполнению задачи. Если мы будем готовы к

выполнению задачи, то американцы не решатся совершить агрессию на Кубу. Вот так в упрощенном виде была поставлена задача. Никита Хрущев, передислоцировав на Кубу группу войск с ядерными ракетами, не думал этого скрывать. Он скрыл сам факт переброски сил, иначе он не смог бы на Кубу доставить эту группу. Блокада была бы объявлена не 22 октября, а, наверняка, раньше, и мы бы их туда не доставили. На ноябрь планировался визит Хрущева на Кубу, где он должен был подписать официальный договор или соглашение с Фиделем Кастро о размещении группы советских войск на Кубе, в том числе с ракетами, и об этом должно было быть объявлено международному сообществу. Вы знаете, что к этому времени американцы уже разместили ракеты «Тор» и «Юпитер» в Турции и Италии, аналоги тех ракет, которые мы собирались разместить на Кубе. Поэтому мы понимали, что если мы в короткие сроки изготовимся, то во многом упредим и заставим отказаться американцев от нападения на Кубу. Так нам было объяснено, и так мы понимали эту задачу. Другое дело, что события в дальнейшем получили другой поворот, другое развитие, но это уже зависело не от нас, это зависело от реакции другой стороны, наших контрапартнеров.

[ЭГГЕРТ] Джон, как для Вас начался Карибский кризис? Когда для Вас начался отсчет?

[ЭНДИКОТТ] Понимание того, что происходит, пришло лишь после того, как Кеннеди сделал свое заявление, и сказал, что на любые российские действия в Кубе будет дан ответ. Именно тогда происходящее напрямую отразилось на моей работе, поскольку я работал над планами ведения глобальной ядерной войны. В этих планах Куба, конечно же, не фигурировала. Нашей задачей тогда было максимально тщательное планирование, составление максимально актуальных на тот момент планов. Когда начали развиваться все эти события, нас перевели на состояние боеготовности (DefCon) № 2, который предшествует максимальной боевой готовности. Вернее, сначала было состояние повышенной боеготовности (DefCon) № 3, которое тоже является очень высоким уровнем боеготовности. Но генерал Пауэр, который тогда командовал штабом САК, в тот же день перевел нас на состояние боеготовности (DefCon) №2. И тогда уже к работе подключились все. Кроме того, Пауэр в связи с переходом на такое состояние боеготовности получил возможность поднять в воздух самолеты по тревоге. На практике это означало, что треть всех самолетов была поднята в воздух. Самолеты направлялись в заранее определенные точки, при этом они несли полный боевой комплект ядерного оружия. Достигнув своей запланированной точки, они ожидали команды на начало операции. Наступил очень напряженный и ответственный период.

Сам-то я работал в отделе планирования, а не в оперативном отделе. Нашей задачей было составить планы таким образом, чтобы все запланированные цели были уничтожены с гарантией в 75 процентов. Так что мы работали над тем, чтобы все цели, входящие в состав Единого интегрированного оперативного плана (СИОПа), т.е. плана ведения ядерной войны, были уничтожены с вероятностью 75 процентов. Помню, в определенный момент мы в отделе

планирования решили, что наша работа уже выполнена, что мы сделали все, что могли, что у нас все готово – и тут вдруг неожиданно начали появляться новые самолеты, для которых нужно было подобрать цели. Я этот день назвал «днем королев ангара». Королевами ангара мы называли самолеты, находящиеся в ангарах на обслуживании и ремонте. Эти самолеты могли подняться в воздух, но у них были какие-то неисправности - например, система наведения или альтиметр не работает, и так далее. Поэтому они в обычное время не входили в состав боевых сил и не считались боеспособными. И тут вдруг их все включили в состав боевых сил в качестве условно боеспособных, несмотря на то, что они не до конца исправны. Пришлось срочно подбирать для них экипажи и цели. Во всех штабах, не только в штабе САК, но и во всех крупных штабах ВВС по всей территории США начали набирать офицеров, которые на тот момент уже занимались штабной работой, но имели необходимую нам подготовку. Мы начали срочно подбирать цели для этих введенных в боевой состав самолетов. Тогда ходили слухи о том, что благодаря введению в боевой состав ангарных королев нам удалось увеличить количество целей, подлежащих уничтожению, на 20 процентов. Я не знаю, насколько эти слухи были верны – вполне возможно, что это все не более, чем байки, вы же сами знаете, как пилоты любят приврать. Но как бы то ни было, у нас появилось дополнительное количество самолетов и целей. Я непосредственно принимал в этом участие.

Как я уже сказал, моей задачей было обеспечить уничтожение всех запланированных целей с вероятностью 75 процентов. Работа была очень напряженная и очень важная. После определения цели нам на выполнение всей последующей работы давалось 36 часов. Помню, я тогда одну из заданных целей по ошибке пропустил. Прихожу я тогда на работу, заступаю на смену, а охрана на входе в туннель мне говорит: «Капитан Эндикотт, немедленно пройдите в оперативный центр». Я говорю, хорошо. Захожу я в оперативный центр. Там по кругу расставлены стулья, на стульях сидят одни генералы и полковники. Мне говорят, Эндикотт, займите позицию в центре круга. Вы почему цель пропустили? Ну, вы сами понимаете... Слова там звучали такие, каким на уроках английского языка не учат. Но потом я понял, что моей работой они все-таки довольны, потому что меня в итоге не выгнали. В те времена порядки были такие: если ты совершил хоть одну-единственную ошибку, то с базы тебя выгоняли в тот же день. Я помню, я со своим начальником, который был в звании полковника, ходил на брифинги генерала Т.С. Пауэра, командующего штабом. Мы с начальником сидели на стульях, расставленных вдоль стен, потому что за самим столом сидели люди рангом повыше нас. И если Пауэр вдруг поворачивался и задавал какой-то вопрос полковнику, то полковник должен был ответить на этот вопрос самостоятельно. Если полковнику приходилось за ответом обращаться к капитану, то генерал говорил: «капитан, большое Вам спасибо – а Вас, полковник, чтобы к вечеру на моей базе не было!» И это на самом деле означало, что полковника переведут на другую должность, что его семье придется подыскивать себе новое жилье, и что на этой базе их действительно больше не будет. Это было просто невероятно. Так что когда мне сказали, «Джон, это была твоя ошибка номер

один. Ошибки номер два никогда не будет, правда?» - я тогда понял, что они моей работой все-таки довольны, раз не выгнали.

[ЭГГЕРТ] Джон, для Вас кризис начался в тот день, когда Кеннеди сделал свое заявление. Не подумали Вы тогда, о Боже, это же теперь война начнется, я теперь могу в любой момент оказаться в эпицентре атомной войны? Приходили Вам тогда в голову такие мысли?

[ЭНДИКОТТ] Конечно приходили. Более того, я тогда работал на минус третьем этаже подземного бункера, в котором располагался оперативный центр, командный центр штаба САК в Омахе. И мы знали, что в случае войны мы сможем протянуть день-полтора, т.е. больше, чем люди на поверхности. Как Антон уже говорил во вступительном слове, во время этих событий – 24-го октября, или 27-го, я уже не помню... Я плохих вещей не запоминаю. Это было в один из этих двух дней - когда У-2 сбили, или когда корабль развернули, не помню уже. Так вот, заходит к нам в комнату трехзвездочный генерал из разведуправления на верхнем этаже, и собирает вместе группу «планировщиков». Мы к тому моменту все планирование закончили и передали данные в руки операторов. Так вот, нам этот генерал говорит: я думаю, у нас есть 20-30 минут до начала операции. Идите, позвоните на прощание женам. Это, фактически, было признанием того, что нам самим осталось жить чуть дольше, чем нашим женам. Жены были на поверхности, в обычных домах, а мы сидели в подземном железобетонном бункере, и после начала войны смогли бы продержаться еще пару дней.

[ЭГГЕРТ] И Вы позвонили?

[ЭНДИКОТТ] Митсуйо до сих пор помнит. Да, я позвонил, и звонок был очень необычный. Когда я позвонил, до ужина было еще очень долго, а я ей говорю, дорогая, что у нас сегодня на ужин? Она это запомнила, и я тоже помню.

[ЭГГЕРТ] Может быть, мы спросим у Вашей жены, что она тогда подумала?

[М. ЭНДИКОТТ] Да, я тот звонок хорошо запомнила. В самом вопросе насчет ужина не было ничего необычного, но когда он позвонил, была первая половина дня. Было, наверное, половина одиннадцатого утра, обычно Джон в такое время дня не звонил. Но в самом разговоре по телефону, никаких намеков на войну или чего-то в этом роде не было. Это был самый обычный, повседневный разговор. Но когда я положила трубку, у меня возникло очень странное ощущение. Я почувствовала что-то не то.

[ЭГГЕРТ] То есть Джон ничего не сказал?

[М. ЭНДИКОТТ] Нет, вообще ничего.

[ЭГГЕРТ] Разговор был о том, что на обед, как там дочь, и так далее?

[М. ЭНДИКОТТ] Да.

[ЭГГЕРТ] Понятно. Тогда еще один вопрос – когда Вы поняли, что...

[М. ЭНДИКОТТ] Понимание пришло намного позже. Это потом уже я узнала, что происходит, и поняла, почему он звонил.

[ЭГГЕРТ] Большое спасибо.

[ЭГГЕРТ] Генерал Есин, когда Вы поняли, что «дело пахнет керосином»?

[ЕСИН] Я сделаю небольшое отступление, прежде чем ответить на Ваш вопрос, потому что, может быть, не все представляют, чем был вызван Карибский кризис. Советский Союз не стал бы посылать на Кубу войска, если бы не было известно, что американцы приняли решение устранить вооруженным путем Фиделя Кастро и сместить его правительство. Это решение было принято уже новым президентом США, Джоном Кеннеди, после неудавшейся попытки высадки в заливе Свиней в апреле 1961 года десанта, состоящего из вооруженных кубинцев-эмигрантов. Американцы разработали план «Мангуст», и в рамках него начали подготовку к вооруженному вторжению на Кубу. Если мне память не изменяет, 20 сентября 1961 года Конгресс США, сначала Сенат, одобрил вооруженное вторжение на Кубу. 21 сентября, узнав об этом, министр иностранных дел СССР Андрей Андреевич Громыко заявил в Организации Объединенных Наций, что Советский Союз будет рассматривать нападение на Кубу, как нападение на своего союзника, со всеми последствиями. И, несмотря на это, 22 сентября Палата Представителей Конгресса США подтвердила это решение, которое затем одобрил Джон Кеннеди. То есть инициатором вторжения на Кубу, еще до того, как там были размещены советские войска, были Соединенные Штаты.

Ну а теперь относительно вопроса, как я почувствовал, что развиваются серьезные события. Напряженнейший момент возник в ночь с 27-го на 28-е октября 1962 года. С 15-го октября регулярно на бреющем полете над нашими позициями проносились американские самолеты. Но после того, как 17 числа кубинцы (а именно они осуществляли внешний пояс охраны, в том числе противовоздушное прикрытие зенитными орудиями) начали обстрел, американские самолеты стали летать выше. 27 октября над Кубой зенитно-ракетным комплексом С-75 был сбит американский разведывательный самолет У-2. До нас довели эту информацию. Ранее был сбит американский истребитель-бомбардировщик Ф-106. Мы понимали, что напряженность нарастает. Лично я думал, что, наверное, военных действий не избежать.

В ночь с 27 на 28 октября нам стало ясно, что дело близится к началу войны. Нас уведомили, что утром 28 октября возможна бомбардировка наших позиций. В связи с этим мы начали усиленно рыть укрытия, окопы, нам выдали защитные каски, бронежилетов тогда не было, и, чтобы можно было в окопе размещаться

и укрываться (я уже говорил, что октябрь – это сезон дождей), разрешили воспользоваться нашими плащ-палатками.

Дивизия была приведена в повышенную боевую готовность. Потом я узнал, что в Советском Союзе войска были приведены в полную боевую готовность. Но в отношении группировки вооруженных сил, размещенной на Кубе, на такой шаг пойти не решились. Нам в дивизион даже были доставлены ядерные головные части, но команды пристыковать их к ракетам не было. А после того, как головная часть пристыкована, еще надо было бы затратить полтора часа на то, чтобы ракету установить в вертикальное положение, произвести заправку компонентами ракетного топлива, осуществить прицеливание путем наведения. Тогда ракета прицеливалась не как сейчас. Сейчас бортовая цифровая вычислительная машина сама осуществляет все необходимые вычисления; тогда расчет полетного задания производился вручную, а прицеливание ракеты осуществлялось по азимуту.

[ЭГГЕРТ] А список целей был?

[ЕСИН] Это называется не цель, а полетное задание. В нем указываются азимут, координаты цели и другие необходимые данные, по ним отделение подготовки данных, которое есть в каждом дивизионе, осуществляет расчет полетного задания. К этому моменту полетные задания находились на командном пункте дивизиона, но непосредственно на стартовые батареи не передавались, потому что не подавалась головная часть. Хотя последняя и находилась рядом, в сборочной бригаде подвижной ремонтной технической базы, которая располагалась в 500 метрах от дивизиона. То есть боевая готовность была ниже, чем у Ракетных войск стратегического назначения в Советском Союзе, и, как я потом узнал, у американцев.

[ЭГГЕРТ] Виктор Иванович, у Вас к этому моменту уже была семья?

[ЕСИН] Да, но, к сожалению, позвонить ей я не мог. Моя жена в это время находилась в Москве с дочерью. Я служил в Прибалтике и когда я уехал «на учения», и она решила уехать к моим родителям в Москву. Я, кстати, забыл сказать, что когда мы на Кубе разместились, нам было объявлено, что мы будем здесь находиться два года, затем нас сменят, и мы вернемся на Родину. Как я говорил, замысел был объявить в ноябре в ходе визита Хрущева, что советские ракеты будут стоять на Кубе так же, как в Турции стоят американские. Сообщить об этом жене, что я вернусь через два года, тогда я тоже не мог; переписка разрешалась, но не разрешалось указывать, где мы находимся. Естественно, переписка при этом полностью проверялась, прежде чем она покидала Кубу. Из Гаваны почту возили не самолетами, а пароходами, и первое письмо от меня моя жена получила в начале ноября, когда уже все закончилось.

[ЭГГЕРТ] Но вот эти «сложные» сутки Вы пережили, а потом?

[ЕСИН] 28-го же октября в 15 часов 30 минут нам была дана команда «отбой», «привести в постоянную готовность», а вечером нам сказали подготовиться к

демонтажу стартовых позиций. Демонтаж мы начали с утра, 29-го. Причем, срок был поставлен к 31-му октября работы завершить. И опять надо было напряженно трудиться, чтобы уложиться в срок. Позднее я узнал (тогда, конечно, у меня такой информации не было), что командир дивизии в это время убыл в Гавану, где встретился с исполняющим обязанности Генерального секретаря ООН У Таном. Такая, оказывается, была договоренность: вместе с послом Советского Союза на Кубе Алексеевым они встретились с У Таном, и генерал Стеценко Игорь Демьянович, командир дивизии, доложил, что демонтаж стартовых позиций произведен.

Американцы настаивали на том, чтобы они проконтролировали на территории Кубы демонтаж стартовых позиций. Фидель Кастро на это не согласился. Было принято решение о проверке факта демонтажа с помощью облета американскими разведывательными самолетами У-2.

Когда Стеценко доложил У Тану о демонтаже стартовых позиций, выяснилось, что все ракеты должны быть убраны с Кубы до 10 ноября. Так было, оказывается, договорено между Хрущевым и Кеннеди. Опять для меня началась напряженная пора. 2 ноября я возглавил колонну, которая прибыла в тот же порт Касильда с 8-ю ракетами для отправки в обратном направлении. Первым попавшимся грузовым теплоходом, который стоял в Касильда, оказался «Ленинский Комсомол». Немедленно была дана команда выгрузить все, что есть на теплоходе, и грузить на него ракеты, но уже на верхнюю палубу. Для того, чтобы американские корабли, уже когда мы выйдем из порта (я тоже тогда об этом еще не знал), могли подойти к нам и убедиться, что мы вывозим ракеты.

Вскоре после того, как мы покинули Касильду, мы сбавили ход, сняли тенты, чтобы показать ракеты. Но американцы потребовали снять гермоупорку; они опасались, что там окажутся не ракеты, а что-то другое. Мы запросили Москву, снимать ли гермоупорку или нет, так как в первом распоряжении про это ничего сказано не было; было только сказано снять тенты. Два часа мы находились в подвешенном состоянии, потому что не получали распоряжения из Москвы снимать гермоупорку, а американцы со своих кораблей требовали ее снять. Смотрим, выстраивают у себя на кораблях по бортам команды в спасательных жилетах. Мы насторожились, не иначе как будут на abordаж брать. Наш командир дивизиона дал команду вскрыть ящики с оружием, вооружиться. Мы вооружились автоматами, чтобы не допустить американцев на наш борт. Потом из Москвы пришло разрешение снять гермоупорку. Мы начали ее снимать, а на ракетах действительные номера, индексы. Командир дивизиона говорит, что в таком виде показывать нельзя. Мы начали гермоупорку снимать, а я взял кисть с зеленой краской, и у каждой ракеты, когда ее вскрывали, номер быстренько закрашивал, работая маляром. Звание у меня было невысокое, старший лейтенант; мне его присвоил командующий группой советских войск на Кубе Плиев за образцовое выполнение правительственного задания на Кубе (так было написано в его приказе).

[ЭГГЕРТ] И после того как вы показали ракеты...

[ЕСИН] После этого американцы взяли на себя заботу о нас, сопроводили до Гибралтара, а там передали американскому флоту, который базировался в Средиземном море. Так нас довели до Босфора и Дарданелл, там нам пожелали счастливого пути, и мы приплыли в порт Николаев.

[ЭГГЕРТ] И Вам после этого уже можно было говорить, где Вы были?

[ЕСИН] Когда прибыли, нам тоже особо говорить о том, что мы делали на Кубе, не разрешалось. Да, что были на Кубе, говорить было можно. Но вот как там было и что там было, об этом долгое время говорить не разрешалось. Эта возможность появилась только в 1989 году, когда Горбачев впервые разрешил провести открытую Конференцию по Карибскому кризису. К рассекречиванию документов по операции «Анадырь» я приложил руку, когда уже был начальником Главного штаба Ракетных войск стратегического назначения. У меня был хороший контакт с моим однокашником по Академии генералом армии Колесниковым, который был начальником Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации. У него, у Михаила Петровича, я выпросил разрешение, и он дал согласие на рассекречивание. После этого мы смогли опубликовать часть информации об этой операции в военно-историческом сборнике воспоминаний «Стратегическая операция «Анадырь»: как это было». Книга претерпела пять изданий.

[ЭГГЕРТ] Джон, какая была в те дни атмосфера в том бункере, где Вы находились? И когда Вы уже смогли расслабиться, если можно так выразиться?

[ЭНДИКОТТ] Атмосфера была очень мрачная. В те дни начальником штаба ВВС был генерал Кертис Лемэй, который очень любил курить сигары. Поэтому дым в оперативном центре стоял такой, что карту было трудно разглядеть. Очень неприятно было в том бункере находиться, и вентиляция, конечно, была совсем не такая, как в XXI-м веке. Напряжение начало спадать, наверное, в районе 1 ноября. Мы продолжали работать без выходных, но работать приходилось уже не так напряженно. Я думаю, частично та гнетущая атмосфера, которая царил в бункере, объяснялась тем, что сама ситуация была не такая, как в остальных ВВС на поверхности. У нас ситуация была очень стерильная, никакого непосредственного физического участия мы не принимали. Работа была исключительно сидячая, за столом, с кнопками.

[ЭГГЕРТ] В те дни Вас посещали мысли о том, что, возможно, жить осталось совсем немного? Или Вы были настолько заняты, что на такие мысли просто не оставалось времени?

[ЭНДИКОТТ] Да, мы были настолько заняты, что жили исключительно текущим моментом. Но как только кризис закончился, мы все подумали, Боже, неужели мы только что через все это прошли! Мне кажется, мы все после этого стали убежденными сторонниками контроля над вооружениями. Мы тогда настолько близко подошли к краю пропасти, что едва в нее не свалились. И

тогда ко всем пришло осознание того, что нужно решительно действовать на международном и двустороннем уровнях. Вскоре после этого, как вы знаете, появился «красный телефон». Мы тогда поняли, что действуем в условиях огромного недостатка информации. Военные и Пентагон во время кризиса активно выступали за то, чтобы начать наземное вторжение на Кубу. Но, как нам рассказал генерал Есин, если бы американские войска высадились на Кубе, произошла бы ядерная катастрофа. Она бы постигла не только солдат, высаживающихся на Кубе, но и всю Кубу. А реакцией на это со стороны США было бы введение в действие генерального военного плана, т.е. начало войны. Это была бы катастрофа для всего мира, а не только для СССР и США. Так что примерно через месяц после этого мы начали задавать себе вопрос: хорошо, мы уже один раз оказались в такой ситуации - как сделать так, чтобы больше никогда в ней не оказаться?

[ЭГГЕРТ] Джон, не могу Вам не задать следующий вопрос. Генерал-полковник Есин объяснил нам свою позицию. Он сказал, что если бы США не заявили о готовности начать вторжение на Кубу, если бы они не разместили свои ракеты в Италии и Турции, вблизи от границ СССР, то кризиса бы не случилось. Вы, как американец, с этим согласны?

[ЭНДИКОТТ] Мне кажется, что США, американцы в целом были согласны с Кеннеди в том плане, что размещение советских ракет на Кубе было недопустимо. Мы считали Карибское море американским озером. У нас также была Доктрина Монро, которая провозглашала принцип господства США в Латинской Америке. Поэтому для нас это действительно было очень болезненно. Так что мне кажется, что в Америке существовал широкий консенсус о недопустимости такого развития событий. И я очень благодарен судьбе, что мы тогда не пошли на вариант наземного вторжения, потому что такое вторжение спровоцировало бы гораздо более широкий конфликт.

С американской стороны заслуга принадлежит Кеннеди и его «кризисному комитету» – особенно Кеннеди, который очень не хотел задействовать наземные силы, и предпочел использовать блокаду и Военно-морской флот. Я думаю, это имело решающее значение. Конечно, решение поднять в воздух по тревоге ВВС США, перевести эти силы в режим боевого дежурства в воздухе не было чем-то новым. Пилоты, которые и раньше поднимали свои самолеты по тревоге, летели в заранее намеченную зону дежурства и там начинали кружить. Кстати, они часто рассказывали, что их в зоне дежурства в наушниках приветствовал приятный русский женский голос. Им говорили, добро пожаловать в вашу зону полета. Как поживает семья? Они даже знали, как детей этих пилотов зовут. Так что, я бы сказал, у нас с нашими советскими друзьями были намного более близкие отношения, чем большинство людей подозревают. В том, что самолеты были подняты в воздух по тревоге, не было ничего необычного. Необычным было количество этих самолетов.

Какое-то время спустя я был на одном заседании с министром обороны Макнамарой. Я ему тогда сказал, г-н министр, а помните, как мы подняли

воздушные силы по тревоге? Он на меня так посмотрел, лицо у него побелело, и говорит: «Я этого приказа не отдавал!» А я ему говорю, г-н министр, так Вам его и не нужно было отдавать. По протоколу того времени САК при переводе вооруженных сил в состояние боевой готовности №2 имел право самостоятельно принимать решение о поднятии самолетов в воздух по тревоге. После Манилы и Перл-Харбора мы хорошо поняли, что стоящие на земле самолеты представляют собой отличные мишени. Так что я не знаю, может быть он просто забыл – он ведь был ровно на 20 лет старше меня, а сам я теперь уже знаю, что годы делают с памятью.

[ЭГГЕРТ] Вы сказали, Джон, что Карибский кризис принес понимание того, что существует черта, через которую мы не должны переступать в ходе той конфронтации, которая была частью холодной войны. Можно ли сказать, что именно в этом заключался главный урок Карибского кризиса, с американской точки зрения?

[ЭНДИКОТТ] Это был очень хороший урок. Сдерживание работает только в том случае, если оппонент знает ваши возможности. Я думаю, основное, чего мы не знали - это то, что нас там поджидал генерал Есин, что его подразделения были вооружены ядерным оружием и готовы нанести удар по американским войскам. Могу лишь сказать, что нам очень сильно повезло. Всем присутствующим в этой аудитории очень повезло, что мы из той ситуации выбрались без потерь. Сдерживание работает только тогда, когда оппонент хорошо себе представляет, какими вы располагаете возможностями. В этой связи хочу сказать, что я семь лет преподавал в Академии ВВС США. И я всегда требовал от своих кадетов, я всегда выделял день, когда мы с ними шли смотреть фильм «Доктор Стрейнджлав, или как я перестал бояться и полюбил бомбу». Не знаю, видели вы этот фильм или нет, но посмотреть его стоит. Он отлично описывает ситуацию того времени. Я требовал от всех своих студентов, чтобы они его посмотрели. Он им, кадетам ВВС США, показывал, что не стоит слишком уж зазнаваться. Но есть в нем и еще один урок, урок относительно сдерживания. Если инструменты сдерживания не видны, то они не будут работать. Но если их показать, то они сразу начинают работать. Мне кажется, это один из основных уроков, которые мы извлекли.

[ЭГГЕРТ] Виктор Иванович, каковы уроки Карибского кризиса, если смотреть с советской, теперь уже российской, точки зрения?

[ЕСИН] Я считаю, что и Хрущев, и Кеннеди правильно оценили ту обстановку, не перешагнули грань. Они убедились, что победителя в этой войне не будет, а раз победителя не будет, не следует и начинать войну. Важным результатом кризиса было решение об установлении прямой телефонной линии (так называемой «горячей линии») между Москвой и Вашингтоном. Осенью 1962 года такой линии не было, и думаю, все знают, что Хрущеву, чтобы снять напряженность, пришлось последнее послание, адресованное Кеннеди, где он согласился на вывод советских ядерных ракет с Кубы, передавать по открытому радио. Он выступил здесь, в Москве, по радио, и в США это заявление

транслировалось. Так оперативно передать послание нельзя было даже через посольство США в Москве.

Второй урок, который был извлечен из этого кризиса, это то, что ядерное оружие – это оружие не для того, чтобы им размахивать. Отсюда и появилась и в последующем получила развитие теория ядерного сдерживания. Ядерное оружие – это фактор сдерживания, но не войны. После Карибского кризиса появилось понимание, что ядерное оружие - политическое средство. Да, оно должно поддерживаться тем государством, которое обладает этим оружием, в готовности, но не для того, чтобы его применять. Кроме того, здесь необходима открытость, то есть ты говоришь своему контрагенту: «У меня есть ядерное оружие, оно содержится в такой-то готовности, в таком-то положении, в таком-то количестве». И тогда вторая сторона понимает, что ей не стоит на тебя нападать. Если же ты все это хранишь в секрете, не раскрываешь, то у противоположной стороны складывается впечатление, что ты, возможно, готовишься к внезапному удару. Возникают кризисы.

Почему так близко подошли к порогу ядерной войны? Советский Союз до последнего момента, пока американцы не выложили козыри, снимки, которые они сделали, утверждал, что на Кубе никаких ядерных ракет нет. Утверждалось, что на Кубе вообще нет никаких советских наступательных вооружений. На самом деле было завезено более 150 ядерных боезарядов, из них 60 стратегических, а остальные тактические. А о наличии тактических ядерных боезарядов американцы не знали вплоть до 1992 года. Они не вскрыли, что советской стороной могли применяться фронтовые крылатые ракеты, для них на Кубу было доставлено 80 ядерных боезарядов. К тактическим ракетам «Луна» имелось 6 боезарядов, 6 ядерных бомб предназначалось для бомбардировщиков Ил-28, и еще были 4 подводные лодки, каждая из которых имела у себя на борту торпеду с ядерным боезарядом.

Кстати, эти подводные лодки, несущие ядерные торпеды, американцы бомбили, пытались заставить их всплыть на поверхность у Багамских островов. Делали это, правда, при помощи специальных гранат, которые могут оказывать психологическое воздействие, но существенных, как потом выяснилось, физических повреждений лодке и экипажу нанести не могут. Но экипаж подводных лодок, который попал под эту бомбежку, этого не знал, и мог поступить в соответствии с уровнем угрозы.

Когда друг друга не понимают, нет транспарентности в намерениях, это порождает кризис. Если добиться прогресса в области транспарентности, то можно договориться о мирном существовании, и начинает действовать стратегия ядерного сдерживания.

Спасибо за проявленное внимание к моему выступлению.

[ЭНДИКОТТ] Хотел бы также в завершение сказать несколько слов. Что касается США, то решающую роль сыграл гражданский контроль над

вооруженными силами. Потому что генерала Т.С. Пауэра, командующего САК, как-то спросили о том, может ли в принципе быть победитель в ядерной войне. На это он ответил: «Если после обмена ядерными ударами американцев в живых осталось трое, а русских двое, то значит, мы победили!». Так что решающую роль сыграл гражданский контроль, и в этом, мне кажется, заключается еще один ключевой урок Карибского кризиса для Америки.

[ЭГГЕРТ] Мы с Вами сегодня имели абсолютно уникальный шанс присутствовать на уроке истории, военной истории и политической мудрости. За это нужно благодарить двух людей, с которыми я сегодня имел честь быть на сцене. Это – Виктор Иванович Есин и Джон Эндикотт. Есть еще третий человек, который дал нам этот шанс - директор Центра энергетики и безопасности, председатель Московской Конференции по нераспространению Антон Викторович Хлопков. Я прошу присутствующих аплодисментами поблагодарить их за эту уникальную беседу.